

АНДРЕЙ КОРСАКОВ

ТЕРРА-МИР
КНИГА 2: ЭРА ХЕРОБОРЫ

2026Г

Андрей Корсаков

**Терра-Мир. Книга
2: Эра Хероборы**

«Автор»

2026

Корсаков А.

Терра-Мир. Книга 2: Эра Хероборы / А. Корсаков — «Автор», 2026

Двадцать первый век. Пока человечество копило цифровые фантики и платило проценты по кредитам, Незримый Панцирь Земли истончался. Официальная история молчала о том, что планета циклично проходит через Обнуление. Приход кометы «Безмолвный Страж» запускает лавинообразное Обнуление Терры. Всего за несколько суток геологический сдвиг стирает цивилизацию сытых, укутывая Евразию в стометровый Полуночный ледяной щит. У сорока колонистов частного консорциума и сосудистого хирурга Андрея Корсакова есть всего сорок восемь часов на мысе Аляпа. Их цель — замкнуть древний базальтовый резонанс Первых, выжечь из вен багровую кровь ради выживания в радиации и унести Архив человеческой памяти на Луну, пока стартовые столы не погребла прямая стена спрессованного чёрного льда. Это не история спасения. Это история перерождения. Эра обслуживания мертвых. Начинается эра Чистого Действия.

© Корсаков А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

КНИГА 2. ЭРА ХЕРОБОРЫ	5
ЧАСТЬ I. «ЭРА КАРУ»	6
Глава 1. «Век секунд»	7
Глава 2. «Каменный Эдем»	9
Глава 3. «Спуск в небытие»	11
Глава 4. «Сердце Бога»	13
Глава 5. «Клеймо Белого Тигра»	14
Глава 6. «Чаша Умиротворения»	15
Глава 7. «Соленое безумие»	16
Глава 8. «Осколки Неба»	18
Глава 9. «Остров нагорья»	20
Глава 10. «Затвор Чрева»	21
ЧАСТЬ II. «МРАМОР И СВИТКИ»	23
Глава 11. «Римский шрам»	24
Глава 12. «Варварский быт»	25
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Андрей Корсаков

Терра-Мир. Книга 2: Эра Хероборы

КНИГА 2. ЭРА ХЕРОБОРЫ

Там, где плавился мрачный базальт,

Где неслась первозданная пена,

Мы ушли в Полуночный полярный
хлад,

Променяв созерцание на пепел.

Мы забыли язык растрескавшихся
плит,

Что укрыты в недрах Чрева,

И наш вид в беспамятстве блуждает,

Гордясь своим коротким, ложным
веком.

Но Камень помнит синий ток планет,

И затвор Времени со скрежетом
вернётся,

Когда Землянин сквозь космический
мрак

К сапфирам вечным пальцем
прикоснётся.

ЧАСТЬ I. «ЭРА КАРУ»

(За десять тысяч лет до нашей эры)

Глава 1. «Век секунд»

Если бы разум человека мог растянуть одну секунду на сотни тысячелетий, он увидел бы, как неподвижный камень превращается в ревущий, живой поток.

В абсолютной, глухой темени изумрудного зала Первых время застыло вокруг базальтовой Т-образной колонны, внутри которой навсегда скрылся силуэт Хранителя Неба с поднятой вверх рукой. Первые луны Обнуления прошли в гробовом молчании недр. Но на поверхности, за триста тысяч локтей от бункера, Терра содрогалась в конвульсиях.

Вспышка — и стометровый водяной вал Великого Потопа сминает известняковые дома Колыбели, превращая оранжерейную утопию сытых в жидкий ил. Вспышка — и наползающий ледяной щит Полночи с хрустом перемалывает Каменное ложе, укрывая бункер Первых вековой мерзлотой на десятки тысяч оборотов Великого Светила.

Внутри пещеры, сквозь микротрещины запечатанного шлюза, время текло невидимыми каплями. Сто тысяч лун ледник давил на холм, но Т-образные оси тяжести держали изумрудный свод вопреки вселенной. Затем смещение недр снова сдвинуло плиты. Лёд стремительно отступил на Полночную сторону, оставив после себя голые, серые скалы. Солнце выжигало базальт, сменяясь дикими ливнями, которые намывали поверх нефритового сейфа новые слои известняка, глины и песка. Сквозь трещины проросли корни первобытных папоротников, они цеплялись за глухой камень, засыхали, превращались в прах, и сверху ложился новый пласт земли. Материки сдвигались. Горные хребты стирались в пыль, а «Пузатый холм» продолжал расти, превращаясь в неприметный пуп посреди бескрайней, пустеющей степи Анатолийского нагорья. Две луны превращались в век, век — в секунду этого великого геологического сна.

Таймлапс времени оборвался внезапно, под оглушительный, чужеродный рёв. На дворе стоял двадцать первый век эры «цифровой хероборы».

Тяжёлый дизельный генератор надрывно выл на вершине турецкого холма Гёбекли-Тепе, выплёвывая в пронзительно - синее небо Анатолии сизые клубы копоти. Вокруг раскопанного известнякового круга, обозначенного в археологических картах как «Сектор D», сутились люди в ярких жилетах, опутанные проводами, наушниками и цифровыми планшетами. Повсюду висел плотный, перенасыщенный гул: щёлкали затворы цифровых камер, пищали датчики лазерных сканеров, а рабочие - курды лениво переругивались у отвалов щебня.

Профессор Ганс Риттер, руководитель международной экспедиции, стоял на деревянных мостках, нависавших над раскопом. Его лицо цвета выцветшего базальта было покрыто серой пылью, а большое сердце глухо и прерывисто стучало в груди, уставшее от двадцати лет непрерывного степного труда. Ганс поправил очки, вглядываясь в отполированный бок центральной известняковой Т-колонны, на которой был высечен знаменитый барельеф стервятника, удерживающего на крыле круглый шар.

— Это невероятно, Илья... — негромко произнес немец, обращаясь к сидевшему перед монитором русскому геофизику. — Охотники каменного века, не знавшие колеса и металла, воздвигли этот лабиринт двенадцать тысяч лет назад. Моя книга об этом стала бестселлером, но каждый раз, глядя на эти безликие Т-образные столбы, я чувствую, что мы топчемся на крышке чужого сейфа.

Илья Гордеев, молодой, цепкий парень в пыльной бейсболке, не ответил. Его пальцы быстро пробежали по клавиатуре полевого компьютера, подключённого к новейшему глубинному георадару. Тонкий, высокочастотный луч прибора прошивал пласты известняка под их ногами, уходя вглубь холма на максимальную мощность.

Внезапно монитор Ильи моргнул. Зелёные линии сетки, до этого шедшие ровно, резко сломались, выдав на экран абсолютно чёткий, геометрически правильный прямоугольный кон-

тур на глубине тридцати метров. Прибор зафиксировал колоссальную пустоту, внутри которой, вопреки всем законам геологии, ровными рядами стояли массивные Т-образные объекты.

— Профессор... — голос Ильи внезапно сорвался на шёпот, а пальцы замерли над клавишами. — Посмотрите на датчик плотности породы. Под известняком дикарей лежит коренной базальт. А под базальтом... анализ возраста пластов выдаёт аномалию. Структура материала — чистый изумрудный нефрит.

Ганс Риттер резко наклонился над монитором, его сердце испуганно пропустило один удар.

— Это ошибка программы, Гордеев, — прошептал немец, чувствуя, как холодный пот проступает на его лбу. — Гёбекли-Тепе — это известняк неолита. Там не может быть базальтовых пустот.

— Это не ошибка, Ганс. Смотрите на радиоуглеродный маркер и плотность наносных слоёв над этой пустотой, — Илья поднял на профессора безумные, ошалевшие глаза. — Эта нефритовая галерея была запечатана жидким базальтом... триста тысяч лет назад. За двести девяносто тысяч лет до того, как дикари неолита притащили сюда свой первый обрубок известнякового блока. Официальной мировой истории больше нет, профессор.

У Ганса Риттера потемнело в глазах. Стены раскопа поплыли, а в ушах раздался страшный, пронзительный, свистящий гул, шедший будто из самой глубины расколотого холма. Он прижал ладонь к груди, чувствуя, как его сердце разрывается от невыносимого, удушливого спазма. Немецкий учёный начал падать назад, на деревянный настил мостков, теряя сознание под крики Ильи.

И в эту самую секунду, когда тело Ганса Риттера рухнуло на доски, изображение современной Турции на экране времени с диким скрежетом крутанулось вспять.

Цифровые генераторы, провода, ноутбуки и генераторы мгновенно растворились в воздухе. Земля холма судорожно зашевелилась, выплёвывая наружу пятнадцать метров искусственной засыпки. Известняковые кольца Т-колонн начали стремительно разбираться, уменьшаясь в размерах, трава и кустарники исчезли, уступая место сухой, выжженной степи.

Время отмотало ровно двенадцать тысяч лет назад.

Анатолийское каменное ложе накрыла тень рваного, серого неба Позднего Дриаса. Полночный ветер завыл над пупом плато, неся с гор брызги тающих ледников и запах близкого Потопа. А на вершине холма, тяжело дыша лёгкими и сжимая в руке тяжёлый базальтовый топор, замер дикий вождь Кару, чей кремниевый нож только что со звоном упёрся в скрытый под землёй нефритовый замок Первых.

Глава 2. «Каменный Эдем»

За десять тысяч лет до нашей эры Анатолийское нагорье не знало тишины. Официальные хроники грядущих эпох назовут этих людей примитивными бродячими собирателями неолита, едва умевшими тесать кремь, но Терра помнила иное. На высоких землях, укрытых от ледяных штормов Полночной стороны, процветала суровая, странная цивилизация каменных зодчих, чьи тела были до краёв налиты дикой, первозданной силой.

Это были далёкие потомки изгнанников Колыбели, но триста тысяч лет полной изоляции и борьбы со стихией почти начисто стёрли древнее наследие. Они превратились в расу выживших хищников. Они больше не помнили чертежей Келема и не умели плавить чистые металлы, а средний век человека в их общинах сократился всего до пятидесяти - шестидесяти зим — суровый дикий мир быстро изнашивал плоть. Мужчина, доживший до шестидесяти лет, считался у них глубоким, редким старцем. Но то, что они потеряли в технологиях, они добрали в физической силе: их кости были плотными, а лёгкие и сердце работали на ледяном воздухе с пугающей мощностью.

Племя вождя Кару жило в огромном оседлом поселении, врезанном прямо в базальтовые уступы у подножия холма, который на их грубом, гортанном языке звался Пузатым — из-за его округлой, выпирающей чревом формы. В нем царила монументальная, пугающая прочность. Это был каменный Эдем. Жилые дома не собирались из хрупкого дерева, они представляли собой колоссальные круглые сооружения, вырубленные в скальном основании планеты. Толстые стены из идеально подогнанных известняковых блоков огиали жилые галереи, а полы были залиты плотным известковым раствором, который после застывания становился прочнее гранита. Между круглыми цитаделями тянулись глубокие водоотводные желоба, высеченные в камне, — пра-цивилизация Кару подчиняла себе каждый поток воды. Люди вели оседлую жизнь, собирая и возделывая дикую пшеницу - однозернянку на тёплых южных склонах, перетирая зерна в тяжёлых базальтовых ступах. Мужчины племени охотились на первобытных туров, используя длинные копья с наконечниками из чёрного обсидиана. Они обладали невероятной мощью — двое охотников могли часами нести на плечах многотонную каменную плиту, не зная усталости.

В это утро Кару стоял на парапете центрального мегалитического комплекса. Его широкая грудь была прикрыта тяжёлой шкурой пещерного льва, а в миндалевидных тёмных глазах застыла суровая тревога вождя. Ему было чуть за сорок, но по меркам племени он уже приближался к порогу старения, и его тело помнило цену каждой победы над природой.

Климатический кошмар, о грядущем приходе которого когда-то предупреждала наука прошлого, настиг их эпоху с другой, огненной стороны. Великое Светило палило нещадно. Поздний Дриас — эпоха великих холодов — оборвался всего за пару десятков зим. Ледники Полночной стороны таяли с бешеной, лавинообразной скоростью. Вода прибывала со стороны Заката бурлящими грязными валами. Великие реки вышли из берегов, превращая плодородные низины в ревущий Потоп. Земля смыкала свои Живые Воды, выдавливая людей на самую высокую точку нагорья — к Пузатому холму.

— Нам нужно укрытие, которое не смоет прибывающая вода! — голос Кару, привыкший перекрикивать бурю, разнёсся над мегалитическими ярусами. — Вода поглотит долины до исхода этой луны. Шаман говорит, что пуп Пузатого холма — это священное место тех, кто жил до нас. Земля там никогда не проседает, и камни держат массу неба. Мы поднимем туда наши общины и построим Великий Круг заслонов из известняка, чтобы задобрить недра!

Двадцать тысяч мастеров племени, организованные в строгие, слаженные дозоры, потянулись к холму. Это было общество с жёсткой иерархией силы и созидания: камнерезы, кожевники, охотники двигались единым, управляемым клином. У них не было тяглого скота, но

прагматизм их разума и коллективная воля заменяли машины. Используя тяжёлые клинья из чёрного базальта и деревянные рычаги, они выламывали в соседних каменоломнях колоссальные известняковые глыбы весом в двадцать тонн. Сто человек, соразмеряя шаг под утробные удары кожаных бубнов, тащили эти монолиты по волокушам из мокрой глины, поднимая их на вершину Пузатого холма.

Они выстраивали сооружения, которые простоят двенадцать тысяч лет, оставаясь немymi свидетелями величия пра-цивилизации. Кару лично координировал установку монолитных стен на вершине. Охотники вгрызались кремнёвыми топорами в верхний слой почвы, расчищая площадку под фундамент нового каменного круга, как вдруг скальная порода под ногами вождя глухо и страшно ухнула. Скала под ногами Кару судорожно задрожала и провалилась, увлекая за собой обломки фундамента.

Раздался сухой звон металла о камень, от которого у всех присутствующих заломило зубы. Земля под ногами вождя провалилась внутрь, и из открывшейся чёрной шахты вырвался застойный, сухой воздух древности, пахнувший раскалённой лавой и угасающим тепловым следом Очага Первых.

Кару замер на краю провала, крепче перехватывая свое обсидиановое копьё. Из глубины Пузатого холма, сквозь толщу веков, проснувшиеся камни подали свой первый, леденящий сигнал, и пра-цивилизация неолита приготовилась перешагнуть порог изумрудной бездны.

Глава 3. «Спуск в небытие»

Чёрная пасть пробитой шахты дышала мёртвой, пугающей тишиной. Охотники на вершине Пузатого холма замерли, опустив тяжёлые деревянные рычаги, с помощью которых они ворочали известняковые глыбы фундамента. Ни один человек из двадцатитысячного Града не смел издать ни звука — гортанные напевы женщин, растиравших дикую пшеницу у подножия цитаделей, мгновенно стихли, и над нагорьем повис лишь яростный, колючий свист Полночного ветра.

Кару первым ступил на обрушившийся, крошащийся край базальтового зева. В его руке коптила глубокая факельная площадка, наскоро выдолбленная из базальтового самородка и заправленная густым, пахучим жиром дикого тура. Копоть от фитиля чёрной лентой уходила в серое небо Позднего Дриаса. Пальцы вождя намертво сжимали рукоять обсидианового копья, стекловидный скол которого тускло поблескивал в багровых отсветах пламени.

Шаман поселения — древний шестидесятилетний старец, чья сухая плоть была покрыта глубокими шрамами от клыков пещерных львов и согнута болезнями суставов, — следовал за вождем. Он непрерывно перебирал узловатыми пальцами амулет из зубов шерстистого носорога, шепча архаичные заклинания умиротворения земли. Их тела, закалённые веками жёсткой борьбы за выживание среди тающих ледников, инстинктивно улавливали, что под известняковой коркой кургана скрыта сила, способная перевернуть Терру.

— Здесь нет следов зверя, Кару... — проскрипел старик, когда они начали медленно спускаться по вертикальному скальному разлому. — Из этой дыры пахнет жаром, который остыл задолго до рождения наших прадедов. Земля сторожит этот проход.

Они продвигались по полуразрушенным, прямоугольным каменным уступам, которые триста тысяч лун назад высек в коренной породе главный зодчий Зорес. Багровый, неровный огонь фитиля вырывал из вековой темени гладкие, зеркальные стены изумрудного зала Первых. Когда ноги вождя коснулись ровного пола галереи, он замер, невольно опуская копье.

Перед ними открылось зрелище, которое огрубевший разум людей неолита не мог вместить. Вдоль стен колоссального прямоугольного зала выстроились массивные каменные колонны в форме букв «Т». Гладкие нефритовые блоки были подогнаны друг к другу с такой пугающей точностью, что казались единым монолитом. Кару, чья империя строила круглые Грады из грубого колотого камня, заворожённо рассматривал рельефы, выбитые на Т-образных столбах.

На боковых гранях мегалитов застыли изображения существ, которых охотники нагорья знали слишком хорошо: свирепые, оскаленные хищники, извивающиеся змеи, скорпионы и птицы с тяжёлыми, рвущими клювами. Пра-цивилизация Кару, за триста тысяч лет потерявшая всякое знание о звуковом резонансе и осях лёгкости, видела в этих древних инженерных схемах распределения тепла лишь лики своих первобытных тотемов. Они привыкли подчинять и истреблять соседей силой оружия, но перед этим безмолвным величием базальта гордость вождя испуганно замерла.

— Это они... — прошептал шаман, падая на колени прямо в вековую серую пыль недр. — Первые. Те, кто умели прикасаться к сердцу гор без топоров. Смотри на их столбы, Кару. У них есть руки, у них есть пояса, но у них нет лиц. Камень поглотил их созвучие.

Но самый пугающий ужас ждал их в самом центре зала, у основания центральной Т-образной оси.

Там, намертво вплавленный в застывший столетний поток чёрного базальта, высился монолитный столб. Это был Келем. Лава, хлынувшая когда-то из верхних шлюзов кургана, полностью обволокла тело Хранителя Неба, выжгла его лёгкие и превратила одежды из оленьего льна в строгие базальтовые складки. Раскалённый угарный дым полностью уничтожил

черты его лица, превратив голову учёного в безупречную, безликую плоскую перекладину. Келем стал вечной Т-образной колонной. Его правая рука была окаменевшим штырем вытянута строго вверх, прижимая к изумрудному своду прозрачный синий кристалл корунда. Четвёртая пластина, хранившая в себе безжалостную геометрию Безмолвного Стража, тускло, призрачно мерцала в подземелье, излучая слабое синее сияние, которое пробивало коготь факелов.

Глава 4. «Сердце Бога»

Кару медленно шёл по базальтовому подиуму, и звук его тяжёлых кожаных поршней глухо отражался от нефритового свода Первых. Его сердце бешено заколотилось, отозвавшись диким, суеверным благоговением перед безликим каменным исполином. Вождь поднял свой обсидиановый нож, аккуратно просунул острое, стекловидное лезвие под окаменевшие пальцы статуи и с силой надавил на рычаг.

Сапфир со скрежетом поддался. Четвёртая пластина Келема со скольжением выпала из каменного плена прямо в покрытую копотью, мозолистую ладонь вождя пра-цивилизации.

В ту же секунду, когда кристалл корунда покинул руку Хранителя, его матовое синее свечение начало медленно, неотвратно угасать. Линии небесных орбит внутри прозрачного тела подёрнулись мутной пеленой — камень засыпал, теряя связь со своими недрами. Кару почувствовал, как сквозь его огрубевшую кожу просачивается леденящий, космический холод, от которого кровь в жилах на секунду замедлила ход. Кристалл казался куском застывшего синего льда, внутри которого билась чужая, непонятная жизнь.

— Сердце умирает! Бог гневается! — в ужасе закричал шаман, судорожно колотя лопаткой из оленьего рога по полу. — Если мы не задобрим его плоть, земля разверзнется и Потоп поглотит наши круглые Грады! Верни его на место, Кару!

— Нет, — Кару бережно, но намертво зажал засыпающий сапфир в кулаке. — Бог отдал его мне. Мы вынесем Сердце Бога к людям. Если Терра смыкает свои токи и топит наши долины, этот камень станет нашей защитой.

Они выбрались наружу, тяжело цепляясь за выступы пробитой шахты. Когда фигура вождя показалась в проломе под рваным серым небом Позднего Дриаса, двадцатитысячный Град каменных зодчих взревел от дикого, первобытного ликования. Кару высоко поднял руку с похищенным синим артефактом. Воины, каменотёсы и кожевники падали лицом на известковые полы своих круглых цитаделей, славя силу камня. Они видели, как блёкнет Дневное Око, слышали рёв прибывающей в низинах воды и верили, что этот сияющий синий тотем спасёт их империю от Обнуления.

Разум пра-цивилизации неолита, погруженный во тьму суеверий, совершил свою главную, роковую ошибку. Они не поняли, что Т-образные колонны внизу были машинами спасения и осями лёгкости. В страхе перед наступающим Потопом Кару приказал мастерам строить на поверхности, прямо поверх древнего холма, точно такие же круглые мегалитические святилища.

На следующий же рассвет каменоломни нагорья огласились яростным стуком базальтовых клиньев. Лучшие мастера империи начали высекать из мягкого известняка колоссальные Т-образные столбы без лиц, полностью копируя силуэт застывшего в лаве Келема. Сто человек, соразмеряя шаг под утробные удары кожаных бубнов, тащили эти многотонные глыбы на вершину, устанавливая их концентрическими кольцами. Они обмазывали их кровью жертвенных туров, запуская историю храма, который люди грядущих эпох назовут Гёбекли-Тепе. Кару верил, что эта каменная кровная дань удержит Сердце Бога от окончательного угасания и закрепит вечную власть его воинствующего Града над всеми окраинами Терры. Но безжалостные часы вселенной уже запустили обратный отсчёт, и за стенами их мощных мегалитов уже рождался новый, невидимый излом их сурового мира.

Глава 5. «Клеймо Белого Тигра»

В Сезон Спелого Зерна, когда Великое Светило входило в зенит своего яростного цикла, Пузатый холм превратился в колоссальный, гудящий человеческий улей. На Анатолийском нагорье больше никто не созерцал покой — Град Кару жил по суровым законам военной машины.

Вождь стоял на парапете Малого Каменного Круга, возвышавшегося над каменоломнями. На его плечах покоилась тяжёлая, иссечённая кремниевыми осколками шкура пещерного льва, а пальцы левой руки машинально поглаживали рукоять тяжёлого базальтового меча. Кару смотрел на раскинувшуюся у подножия холма долину, уходящую к Стороне Белого Тигра. Там, где скалы смыкались с горизонтом, небо дрожало от марева зноя. Прибывающая вода Потопа, заставившая их бежать на высоты, остановилась, запертая прочностью плато, но климатический излом конца Дриаса принес новую, удушливую беду — сушь.

— Ведите их! — зычно крикнул Кару, и его гортанный голос, закалённый степными ветрами, покатился по каменным ярусам цитадели.

Дозоры вождя, вернувшиеся из дальних рейдов со Стороны Чёрной Черепахи, гнали перед собой колоссальную живую стену. Четыре сотни рабов — людей из разрозненных, запуганных лесных посёлков, которые не входили в Гранитный узел империи, — медленно поднимались по мощёным базальтовым дорогам. Их тела, измождённые долгим переходом, были скованы тяжёлыми колодками из лиственничного бруса. Это были те, кого воинствующее государство Кару посчитало недостойными полноценного Устроения Плоти. История переписывалась прямо сейчас, на глазах: Храмы империи уничтожали любые воспоминания о том, что когда-то все люди Терры были единой общиной всеобщего лада. Для воинов Кару чужаки были лишь расходным материалом, Живым веществом, обязанным ворочать многотонные глыбы ради умиротворения недр.

Старец - шаман, чей шестидесятилетний возраст казался дикарям пределом земного времени, вышагивал вдоль шеренги пленных. В его руке был зажат острый обсидиановый резец.

— Высвобождайте силу у подножия Безликого Бога! — фанатично хрипел старик, и его слезящиеся миндалевидные глаза безумно блестели в лучах солнца. — Ваша покорность вернёт токи в пересохшие каналы! Кто упадёт под весом камня — вернётся в Круг через алтарь Белого Тигра!

Они тащили известняковую глыбу вверх по склону Пузатого холма, стирая ладони до мяса и оставляя на белом камне грязные, кровавые следы. Кару верил, что эта монументальная, жестокая прочность — единственный способ удержать мир от нового Обнуления. Он не знал, что закладывает каменную ловушку, которая через несколько циклов поглотит его собственный лад.

Глава 6. «Чаша Умиротворения»

К началу месяца Ташриту, когда Великое Светило начал медленно склоняться к Стороне Белого Тигра, знаменуя приход осени по древнему месопотамскому счёту, центральное святилище кургана было завершено. Новый, концентрический круг мегалитов, который жрецы называли Чашей Умиротворения, замкнулся вокруг пробитой некогда шахты Первых.

В самом центре этого круга высились два колоссальных известняковых столба весом в двадцать пять тонн каждый. На их плоских, безликих Т-образных перекладинах каменотёсы империи под надзором шаманов высекли то, что вождь и старец увидели в глубине изумрудного зала. Но это больше не были высокотехнологичные схемы тепловых осей. Дикий, огрубевший разум пра-цивилизации превратил линии звуковых проводников в рельефы скалящихся лис, крадущихся львов и стервятников, рвущих плоть. Жрецы создали из машин спасения грозных, бездушных идолов, требующих непрерывной кровной дани.

Кару сидел на базальтовом троне у основания центральной колонны. В его кулаке был зажат похищенный прозрачный корунд — «Сердце Бога». Сапфир полностью заснул. Он превратился в холодный, мутный синий булыжник, и сколько бы вождь ни вглядывался в его грани, матовые линии орбит Безмолвного Стража больше не проступали внутри камня. Кристалл затих, отторгнув дикую, суеверную веру неолита.

— Время приношения! — прокричал шаман, поднимаясь на алтарь Чаши Белого Тигра.

Над Пузатым холмом повис монолитный, страшный гул двадцатитысячной толпы. Со стороны Лазоревого Дракона к алтарю выволокли троих пленных юношей. Их лёгкие работали со свистом от ужаса, а густая кровь стучала в висках. Стражи культа прижали их спинами к известняковым Т-колоннам, связывая руки ремнями из кожи туров.

Кару смотрел на это прагматичным, тяжёлым взглядом хищника. В его сердце не было религиозного безумия шамана — вождь мыслил как строитель империи. Он знал, что эти жертвы нужны не безликому камню внизу, они нужны здесь, на поверхности, чтобы удерживать в слепом подчинении миллионные окраины нагорья. Историю писали они — победители, сокрушившие всех соседей силой обсидиана, и эти окровавленные мегалиты Гёбекли-Тепе были манифестом их вечной, нерушимой власти над Террой.

Острый обсидиановый нож шамана с глухим скрежетом рассёк грудь первого юноши. Багровая кровь хлынула по известняковому жёлобу колонны, стекая прямо внутрь барельефа крадущегося льва. Толпа воинов взревела в диком экстазе, потрясая копьями в сторону Стороны Красного Феникса, упиваясь собственной силой и сытостью. Люди неолита верили, что этот кровавый лад задобрит землю и вернёт подземные Живые Воды в их круглые Грады.

Но в самый пик ликования, когда шаман занёс нож над вторым пленным, Кару резко поднялся с трона.

Его сильное тело, привыкшее ловить малейшие изменения ветра, уловило странный, пугающий сбой. Со стороны Стороны Чёрной Черепахи — оттуда, где ледники Полуночной стороны таяли последние двадцать зим — прилетел резкий, леденящий порыв ветра, принёсший с собой не влагу, а сухой пепел и запах гари.

Вождь перевел взгляд на базальтовые чаши с водой, установленные у входа в святилище. Идеально чистая вода, набранная утром из центрального скального источника, на глазах начала покрываться ржавой, бурой пеной. В недрах нагорья что-то произошло: смещение недр, запечатое курганом, пережало последнюю глубокую пресную жилу, и подземный ток Терры выдавил наружу горькую, закипающую соль скал. Чаша Умиротворения не сработала. Жертвы были напрасны, и Кару, сжимая в руке мёртвый синий сапфир, понял, что безжалостные часы вселенной уже провернули свой первый скрытый зубец, запуская финал их великой каменной эры.

Глава 7. «Соленое безумие»

В месяц Нисану, когда Великое Светило раскалило воздух Анатолийского нагорья до плотности жидкой меди, Пузатый холм окутало удушливое, белое марево. Засуха, выжигавшая Гранитный узел империи Кару уже шестую зиму подряд, достигла своего страшного предела.

Монументальные круглые Грады, высеченные в скалах за десять тысяч лет до Рождества Христова, превратились в раскалённые известняковые ловушки. Вдоль глубоких водоотводных желобов, где когда-то должна была журчать пресная вода, теперь белела толстая, хрустящая корка ядовитой соли. Недра планеты словно замкнулись, выдавив остатки Живых Вод глубоко вниз, в недостижимую темноту базальтовых пластов. Дикая пшеница на южных склонах давно превратилась в сухой пепел, а дозоры вождя, возвращавшиеся со Стороны Белого Тигра, докладывали о мириадах мёртвых стрижей, чьи высохшие тела устилали растрескавшуюся степь.

Воинствующее государство Кару, привыкшее ломать соседей обсидиановыми мечами, теперь слепо и яростно пожирало само себя.

Кару сидел на базальтовом парапете Чаши Белого Тигра. Его лицо, потемневшее от копоти и зноя, казалось неподвижным каменным сколом, но лёгкие работали тяжело, со свистом втягивая пересушенный воздух. Он смотрел на площадь перед алтарём, где вспыхнул первый в истории его Града открытый бунт.

Сто сорок воинов из личного дозора Полуночных окраин, измученные жаждой и голодом, окружили шамана. Их обсидиановые копья были направлены не в сторону пленных рабов, а в грудь Хранителей Веры. Впереди толпы стоял десятник Туру — шрамированный, скуластый охотник, чьё сердце было выжжено отчаянием.

— Твои Т-колонны мертвы, старик! — хрипел Туру, указывая остриём обсидиана на двадцатитонных известняковых идиолов. — Мы пригнали тебе сотни рабов со всех посёлков, мы залили их кровью весь Большой Круг Резца, но земля выдавливает только соль! Сердце Бога в руке вождя превратилось в холодный булыжник! Храмы лгут! Мы заберём остатки зерна и уйдём на Полдень, к Стороне Красного Феникса, пока наши дети не задохнулись в этих базальтовых духовках!

Кару медленно поднялся. Его огромная фигура в шкуре пещерного льва заслонила собой блёклый диск Великого Светила. В его Внутреннем Источнике не было страха — только леденящий, прагматичный расчёт правителя. Если позволить этому мятежу расколоть Град, тоталитарная машина его империи рассыплется до того, как они успеют достроить внешние заслоны.

Вождь беззвучно сошел с парапета. Толпа воинов испуганно расступилась перед его тяжёлым шагом, цепenea под суровым, хищным взглядом тёмных глаз.

— Ты хочешь уйти, Туру? — тихо, но так, что звук его голоса заставил замолчать бубны, спросил Кару. Он остановился в трех локтях от бунтовщика. — На Полудне нет воды. Мои дозоры проверили саванны до запредельных морей. Там такая же выжженная глина. Если Град бросит холм и рассеется по степи, мы превратимся в диких, разрозненных зверей, которых степь сожрёт за одну луну. Лад держится на камне и повиновении. Кто ломает повиновение — ломает империю.

Десятник Туру не успел вскинуть копье. Прагматизм силы Кару сработал мгновенно: вождь резким, лавинным броском ушёл под обсидиановое острие, перехватил запястье охотника и с глухим хрустом вывернул его сустав. В ту же секунду тяжёлый базальтовый меч Кару с размаху рассёк горло бунтовщика.

Багровая, горячая кровь Туру хлынула на известковый пол Чаши Белого Тигра, смешиваясь с серой соляной пылью. Воины испуганно замерли, опуская оружие перед своим вождём.

На площади воцарилась пугающая, звенящая тишина. Кару вытер окровавленный клинок о кожу льва и тяжело посмотрел на притихшее воинство:

— Возвращайтесь к каменоломням. Кто завтра на рассвете не выйдет на укладку внешнего кольца стен — примет очищение камнем на этом самом алтаре.

Он повернулся и пошёл к своей базальтовой цитадели, не зная, что в эту самую минуту скрытые часы вселенной уже провернули свой очередной невидимый зубец, и засуха, выжигавшая их лёгкие, приготовилась обернуться своей пугающей, водяной изнанкой.

Глава 8. «Осколки Неба»

К концу Сезона Увядания травы Кару принял решение пробить забитые соляными наплывами древние источники на дальних окраинах нагорья. Вождь лично возглавил карательный дозор из двухсот лучших охотников, направив клинья воинов на Сторону Чёрной Черепахи — туда, где у подножия ледниковых гор Полуночной стороны ещё сохранялись глубокие, заброшенные русла пресных ключей.

Их путь лежал через глухие, дикие каньоны, где коренная порода Терры была изрезана древними смещениями недр. Именно здесь, согласно старым храмовым преданиям, триста тысяч лун назад укрывались те самые Первые, что бежали из гибнущего Града Колыбели.

На исходе третьего рассвета дозор остановился у глубокого базальтового провала, где когда-то располагались нижние шлюзы водопроводной системы Первых. Русло давно пересохло и превратилось в мёртвый соляной овраг, но молодой помощник вождя, Ир, проводя обсидиановым копьём по крошащемуся известняку, наткнулся на идеально прямоугольную каменную плиту, скрытую под наносами глины. Это был древний дренажный колодец.

— Вождь! Смотри сюда! — крикнул Ир, разбивая кремнёвым топором окаменевшую смолу на стыках монолита. — Этот камень уложен не руками природы. Тут узоры, как в изумрудном зале под нашим холмом!

Охотники племени, налегая на деревянные рычаги, с глухим скрежетом сдвинули столетнюю базальтовую заслонку. Из открывшейся тёмной полости не вырвался угарный газ — оттуда пахло ледником, древним оленьим льном и сухой, звенящей чистотой веков.

Кару опустил руку в провал, и его пальцы наткнулись на истлевший свёрток из шкуры гигантского оленя. Когда вождь бережно вытащил его на выжженный степной свет, шкура рассыпалась в прах под порывом Полуночного ветра, обнажив перед онемевшими дикарями три синие сапфировые пластины. Кристаллы корунда, на которых Келем триста тысяч лун назад выжиг Устроение Плоти, Начертание Терры и законы живой материи, были абсолютно целы. Их прозрачные синие грани матово светились, отражая яростные лучи Великого Светила.

— Это Осколки Неба... — прошептал шаман, падая на колени перед сапфирами. — Это знаки Безликого Бога, Кару! Он спрятал их здесь, когда лед пришел на планету! Смотри, они такие же, как то Сердце, что ты держишь в кармане!

Кару бережно поднял три пластины Архива своими огромными, покрытыми мозолями руками. Его прагматичный разум, очищенный от религиозного угара, мгновенно уловил пугающую истину: эти три синих кристалла и то погасшее «Сердце Бога», что лежало в его сумке, были частями одного великого, нерушимого целого. Предыдущие люди строили свои укрытия не ради жертв и гимнов — они запечатывали под землёй саму память своего мира.

Но в ту самую секунду, когда Кару уложил пластины в кожаный мешок, Анатолийское нагорье содрогнулось от колоссального, невиданного доселе звука.

Это не был треск смещающихся плит или утробный гул газов под Священным Курганом. Со стороны Стороны Чёрной Черепахи донёсся страшный, лавинный грохот, напоминающий одновременный обвал тысячи гранитных скал. Воздух в одно мгновение стал сырым, плотным и тёплым.

Ир судорожно указал обсидиановым копьём на северный горизонт, и его лёгкие испуганно замерли.

Колоссальные ледниковые горы Полуночи, веками казавшиеся дикарям незыблемыми белыми великанами, на глазах начали стремительно чернеть и оседать. Поднявшийся температурный маятник Дриаса ударил по планете всей своей мощью: ледники таяли с бешеной, лавинообразной скоростью. Миллиарды тонн замёрзшей космической воды, согретые внезапным взлётом температуры на десять градусов, превратились в колоссальные грязные потоки. Вода,

которую империя Кару столько лун усердно вымаливала у камней, проливая кровь рабов на Т-колонны Гёбекли-Тепе, проснулась. Она шла на них со стороны гор стометровой, ревущей стеной пены, ила и талого льда, готовая в одно мгновение смыть их монументальный каменный Эдем с лица Терры. Засуха кончилась, и пра-цивилизация неолита встретила свой финал лицом к лицу с Великим Потопом.

Глава 9. «Остров нагорья»

В месяц Ташриту, когда Дневное Око окончательно скрылось за плотной, свинцовой пеленой туч со Стороны Чёрной Черепахи, Анатолийское нагорье огласилось непрерывным, страшным гулом. Конец Позднего Дриаса, за десять тысяч лет до нашей эры, обернулся для Терры лавиной жидкого хаоса.

Кару и его дозор из двухсот охотников мчались обратно к Пузатому холму, нещадно погоняя крупных плато-оленей. Животные хрипели, их широкие копыта скользили по мокрому, осклизлому известняку троп, а из ноздрей вырывались густые столбы пара. Вокруг них рушился привычный мир камня и засухи. Миллиарды тонн талого Полуночного льда, согретье внезапным взрывом тепла, сбрасывали с гор вековую грязь, ил и валуны. Великое Речное Сечение в низинах превратилось в бескрайнее, ревущее море, которое с пугающей скоростью затапливало нижние Грады империи. Прочные круглые цитадели, выстроенные в долинах, уходили под воду одна за другой; волны с грохотом разбивали известняковые парапеты, превращая монументальную архитектуру в подводные руины.

Вода шла по пятам, но Пузатый холм, возвышавшийся над нагорьем на сотни локтей, пока оставался сухим, неприступным островом среди этого бурлящего, жидкого ада.

Когда Кару ворвался на вершину холма, его встретил дикий, многоголосый крик ужаса. Всё двадцатитысячное население империи, бросив свои раскалённые каменные дома в долинах, сбилось на узком пятачке кургана. Сюда же, спасаясь от наступающего Потопа, робкими, запуганными группами прижимались жители из разрозненных лесных посёлков стороной Восхода. Перед лицом вселенской беды прагматизм силы Кару дал сбой: его воины больше не били чужаков базальтовыми топорами. Охотники и рабы испуганно жались друг к другу, их лёгкие работали на пределе сил на сыром, удушливом воздухе, а Живая кровь цепенела от подступающего страха.

Кару соскочил с оленя, тяжело ступая по мокрому базальту Большого Круга Резца. В его руке был зажат кожаный мешок, внутри которого лежали три найденные на севере пластины Архива, а в кармане шкуры пещерного льва покоилось «Сердце Бога».

И в этот момент вождь почувствовал то, от чего его суровое лицо каменного зодчего побледнело. Кристаллы корунда внутри мешка начали слабо, едва уловимо вибрировать. Они не светились прежним синим светом, но между ними, соприкоснувшись впервые за триста тысяч лун, возник плотный, звенящий резонанс. Сапфиры словно узнали друг друга, и этот тонкий свист камней в руках вождя перекрывал даже лавинный грохот тающих ледников на севере.

— Вождь вернулся! Он принес Осколки Неба! — безумно закричал старец-шаман, указывая узловатым пальцем на мешок Кару.

Толпа дикарей на вершине холма синхронно повернулась к вождю. В их миндалевидных тёмных глазах горел фанатичный, животный блеск обречённых людей, готовых на любое безумие ради спасения своих жизней. Вода внизу уже затапливала подножие Пузатого холма, и концентрические круги Гёбекли-Тепе приготовились принять свою самую страшную, финальную луну.

Глава 10. «Затвор Чрева»

Проливной, тяжёлый дождь, которого Анатолийские высоты не знали много зим, обрушился на Чашу Умиротворения, смывая запёкшуюся кровь туров с барельефов Т-образных колонн. Шаманы культа, сорвав с себя одежды и укутавшись в мокрые шкуры, бились в экстазе у подножия центральных безликих мегалитов.

— Земля разверзлась, потому что Безликий Бог требует свои Осколки назад! — неистово хрипел старик, карабкаясь на жертвенник. Из его рта вместе с пеной вырывались проклятия. — Кару, брось эти синие камни в прибывающую воду! Отдай их Потопу, или Лазоревый Дракон поглотит наше семя до рассвета! Брось их!

Толпа воинов и рабов, поддавшись храмовому безумию, с диким рёвом двинулась на вождя, протягивая к нему сотни дрожащих, испачканных глиной рук. Они были готовы разорвать Кару, лишь бы задобрить невидимые сущности недр.

Но Устроение Плоти Кару было отлито из другого кремня. Прагматизм его разума, выкованный в сотнях победоносных битв, мгновенно победил суеверный страх дикаря. Он посмотрел на бушующий внизу океан, который уже превратил Анатолийское нагорье в мёртвые солончаки, и понял скрытые законы времени. Эти четыре сапфировые пластины не были пищей для богов. Они были завещанием.

— Назад, псы! — Кару с размаху обрушил тяжёлый обух своего базальтового топора на голову ближайшего жреца, ломая кости с сухим звуком. — Камни останутся в недрах!

Вождь лавиной рванулся вперёд, расталкивая беснующуюся толпу своим мощным телом. Сжимая в кулаке мешок с тремя вибрирующими пластинами, Кару прыгнул в тёмный зев пробитой шахты, скрываясь от дождя и криков в глубокой темени изумрудного зала Первых.

Внутри бункера Первых царил гробовой, звенящий покой. Гул Потопа сюда не проникал — Т-образные оси тяжести намертво держали изумрудный свод, защищая укрытие от любого давления сверху. Кару на ощупь, без факела, пробрался к базальтовой статуе Келема.

Вождь неолита опустился на колени перед безликим каменным исполином. Его огромные, окровавленные пальцы аккуратно достали из мешка три сапфировые пластины Архива. Он бережно уложил их вместе внутрь естественной нефритовой полости у самого основания Т-образной колонны, укрывая их остатками оленьей шкуры. Три кристалла корунда, воссоединившись, мгновенно замолкли. Вибрация исчезла. Начертание Терры, Устроение Плоти и траектории Безмолвного Стража были надёжно скрыты в абсолютной темноте недр Терры.

Но четвёртый сапфир — Сердце Бога, вынутое из руки Келема, — Кару оставил у себя. Вождь не решился вернуть его в темноту. Он зажал кристалл в кулаке, чувствуя, как сквозь огрубевшую кожу просачивается леденящий, космический холод. Этот камень пережил триста тысяч лун, прошёл через руки шаманов и вождей. Пусть он уйдёт с ним на Полдень. Пусть станет памятью о Безликом Боге.

Кару поднялся, коснулся ладонью холодного базальтового плеча Келема и тихо произнёс на своём гортанном языке:

— Мы уходим, Безликий. Но твоя память останется здесь. Три Осколка — в недрах. Четвёртый — со мной.

Когда вождь выбрался обратно на шквальный ветер вершины Пузатого холма, его взгляд был сухим и непреклонным. Он посмотрел на испуганное, притихшее племя и отдал свой последний, самый великий приказ победителя:

— Засыпайте Чашу! Засыпайте этот пуп земли до единого камня! Притащите сюда каждый кусок известняка, каждую горсть почвы, все кости туров из наших Градов! Мы закроем чрево Терры сухой броней, чтобы вода не смогла осквернить Безликого Бога!

И пра-цивилизация неолита, ведомая инстинктом выживания и волей своего вождя, приступила к консервации. Двадцать тысяч человек выстроились в бесконечные, сложенные живые цепи. На протяжении многих оборотов солнца они носили в кожаных мешках и базальтовых чашах миллионы тонн грунта, щебня, колотого камня и кухонных отбросов с каменоломен. Они намеренно заживо хоронили свои нарядные известняковые круги, барельефы животных и Т-образные столбы Гёбекли-Тепе, пряча священное место от наступающего Потопа и грядущих племён. Пузатый холм рос на глазах, поднимаясь над нагорьем на пятнадцать метров и превращаясь в колоссальный искусственный курган-сейф.

Когда последний мешок земли лёг на вершину, Кару встал во главе своего воинства, уводя уцелевшее племя на Полдень, по незатопленным гранитным хребтам вглубь неизведанного Полуденного материка. Великая мегалитическая цивилизация навсегда оставила Анатолию, добровольно растворяясь в темноте веков и превращаясь в кочевых охотников, чьи одичавшие потомки напрочь забудут строения отцов. А Архив Первых остался ждать своего часа в абсолютном безмолвии недр на долгие двенадцать тысяч лет — до тех пор, пока колесо времени не привело Терру к новой, пересыщенной цифровым угаром эре Хероборы...

ЧАСТЬ II. «МРАМОР И СВИТКИ»

(Начало нашей эры)

Глава 11. «Римский шрам»

Анатолийское нагорье в летописи первого века нашей эры было иссечено белыми шрамами прямых, как стрела, военных дорог. Просвещённый античный мир, укрытый под железным крылом Римской империи, жил в абсолютной, сытой уверенности, что история Земли началась именно с них — с величия Цезаря, законов Сената и мраморных колоннад.

Греческий писец Луций, служивший в канцелярии римского проконсула провинции Азия, сидел в тени патио, бережно разглаживая ладонью плотный свиток папируса. Из-за колонн доносился монотонный, тяжёлый гул: рабы-галлы и легионеры Третьего Киренаикского легиона мостили новый отрезок дороги, соединявшей нагорье с южными портами. Луций макнул тростниковое перо в чернила и вывел аккуратную строчку на латыни, фиксируя квоты на поставку зерна. Он был горд своим веком. Для него, человека, знавшего философию Аристотеля и геометрию Евклида, всё, что лежало за границами римского лада, было лишь дикой, грязной варварской пустотой, не имевшей имени.

Внезапно со стороны дорожного раскопа раздался хриплый крик надсмотрщика и глухой удар железного лома о породу. Работа встала.

Луций устало отложил перо, поправил складки своей лёгкой тоги и вышел к дорожной насыпи, где центурион яростно распекал закованного в цепи раба. Строители, пробивая скальный уступ у подножия неприметного, округлого холма, который местные крестьяне - курды лениво звали Пузатым, наткнулись на остатки древней каменной кладки. Это были колоссальные блоки из тёмного, невероятно прочного известняка, уложенные идеальным полукругом — внешняя стена цитадели империи Кару, простоявшая в земле двенадцать тысяч лет.

— Что там еще, Луций? — центурион сплюнул в пыль, вытирая пот с загорелого лица. — Рабы упёрлись в какую-то стену дикарей. Мешает вести прямую линию к перевалу. Ломать её?

Луций подошёл к краю траншеи, брезгливо оглядывая массивные камни. Греческий писец, чья наука оперировала лишь иудейскими свитками и греческими мифами, не мог увидеть в этих блоках следы пра-цивилизации. Для его «просвещённого» разума это были всего лишь грубые следы древних язычников, живших от силы за пару сотен лет до основания Рима. История была короткой, и переписывалась она под диктовку победителей. Любое знание о Потопе Дриаса и четырёх сапфирах Архива давно превратилось в усыпляющие религиозные сказки странников, а материальные следы прошлого вызывали у римлян лишь прагматичный строительный интерес.

— Ломайте, центурион, — равнодушно отозвался Луций, поправляя ремень сандалии. — Камень здесь плотный, хороший. Зачем тащить бут из дальних каменоломен, когда эти языческие могилы лежат прямо под ногами? Расколите эти глыбы клиньями. Пустите их на подушку для дороги. Цезарю нужен прочный путь, а не эти варварские камни.

И легионеры принялись за работу. Железные кайла и тяжёлые кувалды с яростным скрежетом вонзились в двенадцатитысячелетний известняк. Блоки, которые мастера Кару тащили на холм с песнопениями, сокрушаясь перед мощью Терры, римские рабы бездумно крошили на мелкий, невзрачный щебень, утаптывая его тяжёлыми сапогами в дорожную грязь. Человечество в упор не видело бездны времени под своими ногами, перемалывая собственное угасавшее наследие ради сиюминутной, имперской выгоды империи.

Глава 12. «Варварский быт»

Спустя две луны дорожный лагерь у Пузатого холма превратился в постоянную почтовую станцию легиона. Римский прагматизм разума освоил эти высоты полностью, обустроив быт с циничным комфортом победителей.

Луций шёл мимо строящихся конюшен, держа в руках деревянную табличку для описи конфискованного имущества. Строители не просто кололи древние стены на щебень — они растаскивали монументы прошлого на самые примитивные, уродливые нужды своего лагеря.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.